

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЛАСТИ В ИСТОРИИ РОССИИ

SOCIAL MECHANISMS OF POWER IN THE HISTORY OF RUSSIA

DOI 10.15826/izv2.2023.25.4.066
УДК 351(470.23-25) + 94(470.23-25)“1722/1723” +
+ 929 Петр(470)*1 + 929 Меншиков +
+ 94(470):332.1

М. Т. Накишова
*Уральский
федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

РОЛЬ ЛИЧНОСТНОГО ФАКТОРА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕТРОВСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (на примере строительства постоянных дворов в 1722–1723 гг.)

Данная статья ставит в центр внимания вопрос влияния личностного фактора на процесс выработки, принятия и реализации политических решений в России первой трети XVIII в., в частности в Санкт-Петербурге. Прежде всего указывается, что Санкт-Петербург как новая имперская столица играл двойственную роль в системе управления. С одной стороны, он представлял собой уникальный прецедент, не имевший аналогов; с другой стороны, город выступал плацдармом для проведения управленческих экспериментов, наиболее удачные из которых планировалось распространить на всю территорию государства. В связи с этим на ключевые должности внутри системы управления Санкт-Петербурга назначались наиболее могущественные и доверенные лица, чьи поведенческие стратегии напрямую влияли на процесс реформирования. В качестве примера, который наглядно отражает роль личностного фактора в системе управления, выбран сюжет, касающийся строительства нескольких комплексов казенных постоянных дворов в Санкт-Петербурге в 1722–1723 гг. Показывается, каким образом генерал-губернатор А. Д. Меншиков осуществлял общее руководство строительными мероприятиями, а затем продвигал инициативу по публикации именного указа, запрещавшего частный найм жилья для приезжих в город и принуждавшего их селиться в казенные постоянные дворы. Также прослеживается роль государственных деятелей (А. М. Девиера, П. И. Ягужинского, И. И. Бибикова, П. А. Толстого, А. И. Остермана, Ф. М. Апраксина), развернувших кампанию по противодействию инициативе князя, и реконструируются обстоятельства последовавшей за этим отмены указа. В итоге делается вывод о решающей роли личностного фактора в системе государственного управления, важности наличия или отсутствия

у государственных деятелей ресурса царского доверия и влияния широкой сети социальных связей, позволявших заручиться поддержкой в контексте выработки политически значимых решений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Санкт-Петербург; генерал-губернатор; комендант; генерал-полицеймейстер; система управления; социальные связи; политическое решение; постоянные дворы; А. Д. Меншиков

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института УрФУ (программа «Мой первый грант»).

Ц и т и р о в а н и е: *Накишова М. Т.* Роль личного фактора в системе управления петровского Санкт-Петербурга (на примере строительства постоянных дворов в 1722–1723 гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 152–169. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.066>

Поступила в редакцию: 11.01.2023

Принята к печати: 24.10.2023

Marina T. Nakishova

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

ROLE OF THE PERSONAL FACTOR IN THE ST PETERSBURG GOVERNMENT SYSTEM UNDER PETER THE GREAT (with Reference to Inn Construction in 1722–1723)

This article focuses on the role of the personal factor on the process of developing, making, and implementing political decisions in the Russian Empire in the first third of the eighteenth century, and, more particularly, in St Petersburg. First, it is claimed that St Petersburg as the new imperial capital played a dual role in the government system. On the one hand, it represented a unique precedent that was unparalleled; on the other hand, the city acted as a bridgehead for administrative experiments, the most successful of which were planned to be extended to the territory of the entire state. In this regard, the most powerful and trusted persons, whose behavioural strategies directly influenced the reform process, were appointed to key positions within the government system of St Petersburg. The author refers to the construction of several complexes of inns in St Petersburg in 1722–1723 as an example that clearly marks the role of the personal factor in the government system. The article demonstrates how prince A. D. Menshikov, governor-general of St Petersburg Province carried out the general management of construction activities, and then promoted an initiative to publish a royal decree prohibiting private hiring of housing for visitors to the city and forcing them to settle in state inns. The author examines the role of other statesmen (A. M. Devieir, P. I. Yaguzhinsky, I. I. Bibikov, P. A. Tolstoy, A. I. Osterman, F. M. Apraksin), who launched a campaign to counter the prince's

initiative and the circumstances of the subsequent cancellation of the decree. As a result, it is concluded that the personal factor in the system of public administration, the importance of the tsar's trust, and a wide network of social ties that made it possible to enlist support in the context of political decisions played the most significant role.

Key words: St Petersburg; governor-general; commandant; chief general of police; government system; social ties; political decision; inns; A. D. Menshikov

Acknowledgements

The author would like to express deep gratitude to the Ural Institute for the Humanities, UrFU, for funding the research ("My First Grant" Programme).

For citation: Nakishova, M. T. (2023). Rol' lichnostnogo faktora v sisteme upravleniia petrovskogo Sankt-Peterburga (na primere stroitel'stva postoiialykh dvorov v 1722–1723 gg.) [Role of the Personal Factor in the St Petersburg Government System under Peter the Great (with Reference to Inn Construction in 1722–1723)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(4), 152–169. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.066>

Submitted: 11.01.2023

Accepted: 24.10.2023

История имперской столицы Санкт-Петербурга неизменно связана с именем Петра I и является плодом его государственного гения. Известно, что Санкт-Петербург мыслился российским монархом как современный для того времени, регулярный административный центр. Создание города-парадиза на берегах Невы представлялось делом государственной важности — на это было брошено множество человеческих сил, материальных ресурсов, творческой энергии и идей. При этом целенаправленно приступить к строительству и благоустройству города Петр I смог только после победы в Полтавской битве 1709 г. и завоевания в 1710–1714 гг. Эстляндии, Лифляндии, Карелии и Финляндии. До этого петербургские дела по большей мере лежали на плечах соратников государя, назначенных на должности городского управления, многие из которых так же отлучались из Санкт-Петербурга для участия в боевых действиях и не могли системно вникнуть в местные проблемы. В дальнейшем, по мере завершения Северной войны, военные вопросы отходили на второй план, все больше актуализировались задачи гражданского управления, связанные с созданием эффективно функционирующей системы органов государственной власти. Град Святого Петра при таком раскладе стал одним из важнейших объектов для внедрения нововведений.

С точки зрения истории местного управления Санкт-Петербург петровского периода можно рассматривать с двух взаимосвязанных позиций. С одной стороны, он являлся уникальным прецедентом. Будущую имперскую столицу создавали практически с нуля, на ее территории вводили новые практики повседневной городской и придворной жизни, учреждали новые государственные институты, подобных которым не было ни в одной другой части России.

Так, для Санкт-Петербурга разрабатывались строительные планы, основанные на принципах регулярности. С 1703 г. инициировалось создание нескольких архитектурных проектов для Адмиралтейской и Московской сторон. Поскольку там уже существовала стихийная застройка, которую в какой-то момент было легче оставить, чем сломать полностью, было принято решение построить регулярный город в другом месте. Первоначально взгляд государя упал на о. Котлин, но его географическое положение заставило Петра I отказаться от данной затеи — в военное время о. Котлин был слишком уязвим. В середине 1710-х гг. монарх решил создать образец регулярного города на Васильевском острове, где застройки, кроме дворца генерал-губернатора А. Д. Меншикова, практически не имелось [Агеева, 2009; Николаева]. В 1714 г. Петр I издал указ, запрещающий строительство каменных домов по всей стране, кроме Санкт-Петербурга, а с 1715 г. началась кампания по принудительному переселению наиболее состоятельных представителей дворянства и купечества на территорию Васильевского острова [ПСЗРИ-1, т. IV, № 2848; т. V, № 2951, 3305, 3332, 3348; т. VI, № 3538, 3634, 3673, 3766; т. VII, № 4405, 4505]. Проекты планов василеостровского строительства, чертежи образцовых домов и прочие нормы были разработаны в 1716–1717 гг. архитекторами Д. А. Трезини и Ж.-Б. А. Леблонном.

Особое место Санкт-Петербурга в петровском государстве усиливала и приписываемая ему символическая роль, которая декларировалась в царских указах и идеологических концепциях [Агеева, 1999, с. 53–70]. Город призван был олицетворить просвещенную в ходе реформ Россию, способную завоевать особую «славу» в Европе [Там же, с. 61]. При этом Санкт-Петербург рассматривался Петром I как столица государства, хотя законодательно перенос столичного статуса из Москвы в Санкт-Петербург нигде оформлен не был [Анисимов, с. 71–73]. Первыми на берега Невы перебрались сам монарх и его ближайшее окружение, в которое входили сподвижники государя, руководители центральных учреждений — таким образом возникли «походные» отделения приказов, со временем перехватившие власть у своих московских центров. С 1704 г. в Санкт-Петербурге принимали посланников европейских монархов; в 1712 г. туда переехал Правительствующий Сенат.

С другой стороны, город-парадиз выступал плацдармом для различных нововведений и управленческих экспериментов, которые затем должны были стать нормой для всей страны в целом. Например, на улицах Санкт-Петербурга впервые в России создавалось фонарное освещение наподобие других европейских городов. В 1720 г. был изготовлен и установлен около Зимнего дома Петра I первый образцовый масляный фонарь. Чуть позже фонари появились на Санкт-Петербургском острове возле государственных учреждений, на Адмиралтейском и Васильевском островах [Там же, с. 346]. Фонарные стекла производились на ямбургских заводах генерал-губернатора А. Д. Меншикова, поскольку, по мнению генерал-полицеймейстера А. М. Девиера, занимавшегося их установкой, «чистой стеклянной материи, кроме тех ямбургских заводов, здесь нигде не обретается» [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 577, л. 100]. В 1723 г. Петр I ввел особый налог

на содержание фонарей [Анисимов, с. 346–347]. После успешного внедрения в повседневную жизнь петербуржцев фонарное освещение было распространено за пределы столицы и стало обычной чертой городского благоустройства.

Другим показательным примером может выступать учреждение в 1718 г. должности генерал-полицеймейстера, которому предписывалось «добрую полицию учредить» и всячески ее поддерживать. В первоначальной инструкции (пунктах) сфера компетенции генерал-полицеймейстера и образовавшейся впоследствии под его руководством Полицеймейстерской канцелярии ограничивалась исключительно территорией столицы. Однако, как утверждает М. И. Сизиков, наличие у должности приставки «генерал» и помещение ее в 5-й класс Табели о рангах, т. е. выше чинов местного значения, свидетельствует о том, что генерал-полицеймейстер рассматривался законодателем как институт центрального управления и, соответственно, со временем должен был распространить свою власть на всю страну [Сизиков, с. 94]. В январе 1722 г. Полицеймейстерская канцелярия появилась в Москве, там был назначен свой руководитель — обер-полицеймейстер М. Т. Греков, который посылал отчеты к А. М. Девиеру и координировал с ним свою деятельность. В том же году по указу, объявленному генерал-полицеймейстером, полиция заводилась на о. Котлин [РГАДА, ф. 1451, оп. 1, д. 20, л. II]. Одновременно происходили попытки законодательно определить подчиненность Главной полицеймейстерской канцелярии в Санкт-Петербурге¹ — 23 июня 1723 г. по указу государя канцелярии предписывалось посылать доношения в Сенат, наравне с другими органами центральной власти и учреждениями с «особым правлением» [Новый памятник законов Империи Российской, ч. 9, отд. I, с. 393].

Надо полагать, исключительным отношением государя к Санкт-Петербургу определялся и тот факт, что на руководящие должности в системе городского управления назначались по преимуществу люди доверенные, проверенные годами службы. В 1703 г. петербургским (на полгода ранее — шлиссельбургским) губернатором стал ближайший друг Петра I А. Д. Меншиков; ингерманландским обер-комендантом в том же году был назначен пользующийся царским доверием Р. В. Брюс; Канцелярию городских дел в разное время возглавляли проверенные различными миссиями У. А. Сенявин и кн. А. М. Черкасский; во главе Полицеймейстерской канцелярии встал А. М. Девиер, генерал-адъютант государя; Адмиралтейством, являвшимся одним из управленческих доминант города, руководил Ф. М. Апраксин, и т. д. Неординарные управленческие способности данных государственных деятелей и их неподдельная преданность монарху были хорошо известны как Петру I, так и его современникам. Поэтому именно они были выбраны государем для руководства учреждениями, занятыми в нелегком деле создания царской мечты, города-парадиза на берегах Невы. Как представляется, личностные качества петровских соратников непосредственно

¹ После учреждения Полицеймейстерской канцелярии в Москве, канцелярия в Санкт-Петербурге начала именоваться в документах Главной полицеймейстерской.

влияти на ход петербургских дел, а их отношения друг с другом способствовали эффективному или неэффективному решению насущных управленческих задач.

Можно привести не один пример того, каким образом характер социальных связей, сложившихся между руководителями городских органов власти, отражался на процессе выработки, принятия и реализации политических решений. Настоящая статья посвящена подобному частному случаю, имевшему место в 1722–1723 гг. и связанному со строительством нескольких комплексов постоянных дворов на Московской и Санкт-Петербургской (Городовой) сторонах. Данный сюжет был выбран, исходя из двух принципиальных соображений. Во-первых, нельзя не отметить крайнюю насущность жилищной проблемы для Санкт-Петербурга. В столицу с первых же лет ее существования направлялось огромное количество людей, переселявшихся в город по доброй воле или по принуждению, с целью несения службы и получения заработка. Соответственно социальному статусу и финансовым возможностям существовало несколько вариантов размещения — переселение на «вечное жительство», постой (для военных), частный наем жилых помещений и др. Практика использования казенных постоянных дворов внедрялась в качестве решения проблем тех переселенцев, кто не имел в городе собственного дома либо не мог подселиться к знакомым, желавшим оказать радушный прием². Во-вторых, как показывают источники, мероприятия по строительству постоянных дворов в Санкт-Петербурге объединили государственные институты местного и всероссийского масштаба, а также различных государственных деятелей, часть из которых с точки зрения официальной иерархии и субординации не имела ни малейшего отношения к петербургским делам. Поэтому анализ обстоятельств реализации данного строительного проекта позволяет актуализировать исключительную значимость социальных связей, соединявших петровских соратников, и подчеркнуть их решающую роль в процессе выработки политических решений.

Итак, наибольшим личным и должностным влиянием в Санкт-Петербурге пользовался санкт-петербургский губернатор (затем — генерал-губернатор) А. Д. Меншиков. Положение Александра Даниловича в политической иерархии

² Кроме того, у постоянных дворов было несколько значительных преимуществ и для государственных интересов. Прежде всего, подобный вид размещения позволял петербургским властям вести учет прибывших в город в разы эффективнее, нежели при их стихийном подселении в дома к горожанам. В последнем случае владельцам недвижимости в Санкт-Петербурге, согласно инструкции генерал-полицмейстеру 1718 г., необходимо было доносить о любом человеке, приехавшем или уехавшем от них. Подселяться в дома петербуржцев дозволялось только тем, кто имел специальное разрешение, а хозяину необходимо было оформить в Полицеймейстерской канцелярии «жилую запись» с поручительством [Кошелева, 2004б; Семенова, с. 136–137]. Также предполагалось, что постоянные дворы будут приносить какой-то доход казне. Деньги, полученные с постоянных дворов, употреблялись на строительство ветряных мельниц на территории Санкт-Петербурга [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 379, л. 190]. Царским указом от 13 декабря 1723 г. устанавливалось отдавать четвертую часть доходов вместе с посаженными деньгами и «хомутным сбором» в распоряжение Главной полицеймейстерской канцелярии для содержания фонарей и чистки улиц [ПСЗРИ-1, т. VII, № 4391].

во многом определялось его дружескими отношениями с государем. Как отмечают исследователи, близость А. Д. Меншикова к царю была структурообразующим фактором для всей сети его социальных связей, он выступал в качестве посредника, который мог, выбрав «благополучный час», донести до монарха любую информацию в выгодном свете [Анисимов, Базарова, Проскуракова, с. 57]. Поэтому вполне объяснимо, что в 1703 г., когда Ингерманландия подвергалась постоянной военной угрозе, создание города-парадиза не могло быть поручено никому другому, кроме как преданному, ловкому и административно одаренному А. Д. Меншикову.

Несмотря на то, что в течение своего губернаторства А. Д. Меншиков принимал живое участие в военных действиях Северной войны, отправлялся с царскими поручениями в Малую Россию, Ревель и Ригу, подолгу задерживался в Москве, решая свои частные проблемы, он всегда старался держать петербургские дела под контролем [Андреева, 2003; 2005]. Внутри городской и губернской систем управления А. Д. Меншиков умело конструировал социальные связи, проводя своих ставленников на ключевые должности или выстраивая лояльные отношения с другими руководителями. Где бы князь ни находился и как бы ни был занят, он требовал от своих петербургских подчиненных и соратников подробных донесений³.

Глазами и руками кн. А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге в исследуемый период по преимуществу выступали два человека — петербургский комендант Я. Х. Бахмеотов и военный руководитель города кн. М. М. Голицын. Как генерал-губернатор и президент Военной коллегии А. Д. Меншиков являлся непосредственным руководителем петербургского коменданта и имел право назначить на эту должность любого, кого считал достойным [ПСЗРИ-1, т. IV, № 2484]. В течение своего комендантства Я. Х. Бахмеотов отчитывался перед князем по всем направлениям деятельности как внутри крепости, так и на территории города [Накишова, 2022а]. М. М. Голицын был назначен на должность военного руководителя⁴ Санкт-Петербурга в декабре 1721 г.⁵ и получил под свое ведомство управление вооруженными силами, располагавшимися в городе (за исключением Санкт-Петербургской крепости), некоторые строительные

³ Так, в 1719 г. А. Д. Меншиков настойчиво обращался к ингерманландскому обер-коменданту Р. В. Брюсу: «Вашего превосходительства два писания от 17 и от 20 сего июля, ис Питербурха к нам писанные, купно с приложенными при оных надлежащими нам письмами я здесь получил, за которые, також и за прочие уведомления, вашему превосходительству благодарствую и притом предлагаю, дабы и впредь оными нас на каждую неделю по дважды о всем, что у вас чинится будет, известием сообщать не оставляли» [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 131, л. 87].

⁴ Данная должность может рассматриваться как чрезвычайная, созданная Петром I на время Персидского похода 1722–1723 гг.

⁵ 11 декабря 1721 г. М. М. Голицын писал к А. Д. Меншикову: «...сего декабря 11 дня по отбытии вашей светлости получил я из Государственной Военной коллегии за подписанием руки вашей светлости и прочих инструкцию, по которой по должности исправлять буду» [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 518, л. 62].

работы на территории столицы и в ее округе, общий надзор за близлежащими крепостями. Как показывают материалы корреспонденции, Михаил Михайлович регулярно извещал А. Д. Меншикова о петербургских делах, находящихся в его ведении. При этом стоит подчеркнуть, что после назначения М. М. Голицына в наиболее парадоксальной ситуации оказался Я. Х. Бахмеотов. Ему следовало дублировать отчеты, отосланные напрямую князю, М. М. Голицыну, который со своей стороны передавал полученные от коменданта сведения Александру Даниловичу.

Помимо тесных контактов с Я. Х. Бахмеотовым и М. М. Голицыным А. Д. Меншиков выстраивал другие информационные каналы, посредством которых узнавал о происходящем в столице. Среди княжеских корреспондентов обнаруживаются наиболее влиятельные персоны центральной и местной систем управления: генерал-полицеймейстер А. М. Девиер, кабинет-секретарь Петра I А. В. Макаров, генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, обер-комиссар Канцелярии от строений У. А. Сенявин и пр.⁶ Таким образом, благодаря своим высокопоставленным информантам, генерал-губернатор был хорошо осведомлен о петербургских делах и, более того, имел мощные административные ресурсы для реализации на практике управленческих инициатив.

Одной из новаторских идей А. Д. Меншикова стал проект по созданию в Санкт-Петербурге системы постоянных дворов (домов). В целом практика размещения приезжего населения в постоянных дворах была хорошо известна в столице и до 1722–1723 гг. На территории города существовало несколько видов постоянных дворов, принадлежавших различным собственникам: частные, построенные на средства государственных деятелей, и казенные дома. Согласно С. П. Луппову, одним из первых появился постоянный двор А. Д. Меншикова, который находился за Исаакиевской церковью, ниже Адмиралтейства и использовался для государственных целей — в нем жили иностранные мастеровые, привлекавшиеся к строительным работам в городе [Луппов, с. 34, 92, 94]. Принадлежавшие казне постоянные дворы появились в первое десятилетие существования города. По подворной описи Петербургской стороны за 1713 г. на Санкт-Петербургском (Городовом) острове при входе в Посадскую улицу, напротив Гостиного двора находился постоянный дом, называвшийся «фатерной избой». В нем по распоряжению квартирмейстера можно было найти временный приют до назначения на постой в жилом доме [Луппов, с. 151; Петров, с. 98–99]. Также встречаются упоминания о постоянных дворах, принадлежавших Артиллерийскому ведомству и сдававшихся от него в аренду. П. Н. Петров отмечал, что 6 июня 1723 г. «была замечательная гроза, с вихрем и бурей, которую сломан

⁶ Показательным примером получения А. Д. Меншиковым информации об одном и том же событии из нескольких источников является его интерес к обстоятельствам пребывания в Санкт-Петербурге чрезвычайного посла, мазовецкого воеводы Ст. Хоментовского в 1720 г. [Накишова, 2021]. Подобных случаев в источниках и историографии находится множество.

один из постоянных дворов, построенных в теперешней Литейной части, между Косым Дементьевским переулком, Фонтанкою и Невою» [Петров, с. 220–221].

В 1722–1723 гг. на Санкт-Петербургской и Московской сторонах предполагалось построить не единичные избы, а комплексы постоянных домов, оснащенные всей необходимой инфраструктурой (банями, сараями, лавками и пр.). Согласно указаниям А. Д. Меншикова постоянные дворы надлежало возводить «на Санкт-Петербуржском острове по берегу реки Невы, начав от того места, где начать строить Стрешнева мазанки, к Гагаринской пристани» и «на другой стороне близь Синоду... до дому покойного генерала-лейтенанта Брюса (санкт-петербургский обер-комендант Р. В. Брюс. — *М. Н.*)» [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 180, л. 380, 463 об.]. Дома, как отмечал А. И. Богданов, «построены были на сваях нарочитыя светлицы и архитектурою преизрядною украшены были, то есть: убиты тесом с карнизами и пилястрами и прочее убранство, а при том и выкрашены» [Богданов, с. 141].

Непосредственно работами на месте руководил санкт-петербургский комендант Я. Х. Бахмеотов, которому А. Д. Меншиков выдал инструкцию, устанавливавшую: строить дворы на берегу р. Невы по чертежу; копры для бития свай требовать у генерал-полицеймейстера А. М. Девиера и обер-комиссара Канцелярии городских дел У. А. Сенявина; на покупку леса и необходимых материалов деньги взять у дьяка Ф. Захарова и принять из Ладоги у майора А. Алябьева; пустующие после отъезда французских строителей дома на Васильевском острове перевозить и употребить под строение⁷; лес покупать за самую дешевую цену; определить к строению батальон Лефортовского полка и батальон Петербургского гарнизона; обо всем рапортовать и, наконец, «поступать как доброму и верному офицеру надлежит» [Документы Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии..., № 1]. Я. Х. Бахмеотов, помимо прочего, подготавливал место для строительства, находил материалы, осуществлял найм групп рабочих и подрядчиков, организовывал деятельность гарнизонных подразделений, занятых в работах, контролировал строительные мероприятия и благоустраивал инфраструктуру, отвечал за ремонт внутренних и подсобных помещений, вел учет затрат и т. д. [Накишова, 2022а]. Как показывают доношения коменданта, несмотря на определенную долю самостоятельности, все свои действия он координировал с генерал-губернатором и не смел приводить в действие ни одно решение, не получив его одобрения.

Более того, А. Д. Меншиков выступал посредником между Я. Х. Бахмеотовым и другими должностными лицами, занятыми в управлении Санкт-Петербургом (М. М. Голицыным, А. М. Девиером, У. А. Сенявиным и др.) в случаях, когда дело находилось на пересечении их сфер компетенции. Так, в 1722 г. князю пришлось вмешаться в конфликт, произошедший между комендантом и генерал-полицеймейстером А. М. Девиером. 4 и 8 октября Я. Х. Бахмеотов

⁷ Эти дома должен был показать Я. Х. Бахмеотову архитектор Д. А. Трезини, которому А. Д. Меншиков дал соответствующие указания [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 180, л. 413 об.].

подал А. Д. Меншикову две жалобы, указывая, что генерал-полицеймейстер требовал у него возвращения фашин, выданных от Главной полицеймейстерской канцелярии для строительства постоянных дворов, и несправедливо передал землю вблизи Литейного канала обер-комиссару У. А. Сенявину [Документы Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии..., № 6, 7]. А. Д. Меншиков сразу же написал А. М. Девиеру с требованием разобраться, аргументируя, что в земле при строительстве постоянных дворов «обстоит большая нужда» и что фашины принадлежали казне, поэтому определять их на счет Полицеймейстерской канцелярии, а следовательно, и требовать к возврату некорректно [Там же, № 8, 9]. Генерал-полицеймейстер, со своей стороны, обвинил в неподобающем поведении коменданта, на чем конфликт был исчерпан [Там же, № 11].

Строительство комплексов постоянных дворов хоть и ставило перед должностными лицами большое количество управленческих задач, оказалось менее значимой проблемой, нежели необходимость сдачи домов внаем или на откуп. Первый вариант предполагал, что постояльцы заселялись в квартиру, пользовались банями и прочей инфраструктурой, при необходимости покупали у коменданта сено и овес для лошадей, а также другие предметы быта. За все предоставленные услуги с них взималась плата. Во втором случае дома отдавались с торга на откуп на определенный срок, и сам откупщик обеспечивал их использование и заселение. Изначально откупщикам предлагалось взять дом на два года, но А. Д. Меншиков усмотрел, что данный срок слишком долг и предложил новый — один год. Этот откупной срок вызвал недовольство [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 379, л. 137; д. 518, л. 131–131 об.]. Так, 22 мая 1723 г. Я. Х. Бахметов передавал князю просьбу греческого купца Г. Галатьянова, желавшего взять на откуп постоялый дом на Санкт-Петербургском острове «против его братии» на два года вместо одного [Документы Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии..., № 19; РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 518, л. 250–250 об.]. В целом, стоит отметить, что откуп постоянных дворов для купцов и других желающих был крайне невыгоден, поскольку дома не пользовались должной популярностью и приносили им скорее убытки, нежели какие-либо доходы [Документы Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии..., № 20]. Также и наем комнат не отличался прибыльностью — комендант в письмах и доношениях постоянно (особенно, в 1722 г.) жаловался генерал-губернатору на пустующие помещения [Там же, № 13, 14; РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 379, л. 116, 129].

Стремясь обеспечить новопостроенные дворы постояльцами, А. Д. Меншиков инициировал издание принудительных указов. В октябре 1722 г. он обратился к генерал-полицеймейстеру А. М. Девиеру, к чьей сфере компетенции относилась публикация указов в Санкт-Петербурге, с указанием: «...предлагаем вашей милости, когда постоялые хотя два или три дома в отделке будут, тогда немедленно извольте публиковать Его императорского величества указом, которые люди в домех своих имеют постой или отдают для приезжих всякого чину людей для своей прибыли в наймы, и те б люди впредь в домех своих постой не имели и в наймы не отдали, а кто пожелает иметь из найму постой и те б люди

для найму оных постоялых дворов являлись генералу, ковалеру, его сиятельству князю Голицыну» [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 180, л. 493]. Письма с тем же содержанием А. Д. Меншиков отправил Я. Х. Бахмеотову и М. М. Голицыну. Причем первому из них он обещал, если тот приложит свой посильный труд, то будет награжден «Его императорского величества милостью», а последнему добавлял: на случай, если постояльцев в постоялые дома не будет, то «изволите приказать определить на оные постоялые дворы Санкт-Петербурхского гарнизона из обер-афицеров доброго и правдивого человека, придав ему несколько салдат, и дать ему ордер, чтоб оной в те дома купецкие и протчие всякого чину и иностранных людей, кои приезжают в Санкт-Петербурх за своими промыслами и нуждами, пускал жить, коликое время кто похочет жить, из найму в щоту полагать, осведомясь против того, как в Санкт-Петербурхе до сего времени бывало, и оные дома велеть ему содержать в чистоте» [Документы Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии..., № 10; РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 180, л. 492 об.]. Как показывают дальнейшие события, указы о постоялых дворах именем Его императорского величества были опубликованы из Полицеймейстерской канцелярии⁸. Однако проблем это не решило — подобный указ не соблюдался, а откупщиков и съемщиков жилья находилось немного. В феврале 1723 г. А. Д. Меншиков снова писал Я. Х. Бахмеотову и М. М. Голицыну о необходимости подтверждения указов [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 191, л. 53 об.; д. 379, л. 137–138 об.; д. 518, л. 256].

Нерешенные проблемы с окупаемостью постоялых дворов вынудили генерал-губернатора апеллировать напрямую к монарху. Как указывает О. Е. Кошелева, 2 июля 1723 г. на корабле «Святая Екатерина» по пути в Ревель Петр I объявил изустный указ, запрещающий частный найм жилья и принуждавший приезжих селиться в казенные постоялые дома [Кошелева, 2004а, с. 138–140]. Содержание царских указаний было послано А. Д. Меншиковым в письме от 9 июля генерал-полицеймейстеру А. М. Девиеру, который должен был объявить их в городе с барабанным боем. Согласно сведениям князя, государь постановил:

...всем приезжающим в Санкт-Петербурх купецким и всяких чинов людям, кои домов своих не имеют, ставитца из найму в новопостроенных постоялых дворах. А Санкт-Петербурские б жители, кто до сего времени в дома свои постояльцов пускали из найму, впредь отнюдь в домах своих постою не имели. Також у которых людей дворы свои на Васильевском острове построены, и те б люди сами жили в тех своих дворах на Васильевском острове. А ежели кто по сему Его императорского величества высокому указу исполнять не будут и в том те люди от кого доказаны будут, таким людям учинен будет жестокой штраф яко презирателем Его императорского

⁸ 5 ноября 1722 г. Я. Х. Бахмеотов писал А. Д. Меншикову: «и на оное нижайше доношу, о найме новопостроенных постоялых домов указами Его императорского величества ис Канцелярии полицеймейстерских дел публиковано, токмо еще мало для взятая их на откуп являютца, токмо надеюсь, что не без охотников будет» [Документы Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии..., № 13]. М. М. Голицын также отчитывался об указе [РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 518, л. 163].

величества высокого указа. И для того б Его императорского величества указ во всем Санкт-Питербурхе публиковать по многие дни з барабанным боем, дабы впредь неведением никто не отговаривался. А определенным ис Полицеймейстерской канцелярии по слободам старостам, соцким, десяцким и протчим надзирателем велеть смотреть того накрепко под жестоким за несмотрение наказанием [РГАДА, ф. 248, оп. 18, кн. 1206, л. 240–240 об.].

Как представляется, продвигая подобную законодательную меру, князь упорствовал не столько из-за собственных неоправданных амбиций, сколько исходя из представлений об экономической выгоде: постоянные дворы, на строительство которых были потрачены немалые суммы, должны были приносить казне доход или хотя бы окупить себя. Пока дома стояли без постояльцев и только ветшали, государство несло убытки.

Несмотря на подготовительную деятельность А. Д. Меншикова, содержание указа вызвало широкий резонанс среди государственных деятелей. Уже 11 июля 1723 г. при получении в Сенате доношения из Главной полицеймейстерской канцелярии возник вопрос: распространяется ли запрет частного найма на «афицерских, и шляхетских ж, и штатских же чинов людей, детей, которые обретаются в науках, а в Санкт-Петербурге своих домов оные не имеют, стоят в домех у свойственников и родственников своих, а иные и по знакомству» [РГАДА, ф. 248, оп. 18, кн. 1206, л. 241]. Для уточнения деталей был сделан запрос в Главную полицеймейстерскую канцелярию, в ответ на который доносилось, что в повторном письме от 15 июля А. Д. Меншиков определял: «приезжающие купецкие всякого чина люди, разумеющие такие, которые из России приезжают в Санкт-Питербурх с товарами на время» [Там же, л. 248 об.]. Примечательно, что подобное четкое ограничение социальной группы, на которую должен был распространиться царский указ, появилось лишь в письме от 15 июля, а было объявлено Сенату и того позже — в доношении из Главной полицеймейстерской канцелярии от 30 июля. До этого речь по преимуществу шла о «приезжих всякого чину людях» или «приезжающих в Санкт-Питербурх купецких и всякого чину людях» — группах, включавших в себя значительно более широкое представительство.

Что сподвигло А. Д. Меншикова еще 15 июля 1723 г. договориться с царем о сужении круга лиц, которым запрещалось селиться в домах горожан, не известно. Однако в то время, как последнее письмо шло от князя в Главную полицеймейстерскую канцелярию, а из канцелярии — в Сенат, за спиной Александра Даниловича развернулась активная деятельность по отмене императорского указа. С разной степенью интенсивности в деле оказались замешаны люди, к петербургским делам имевшие опосредованное отношение — П. И. Ягужинский, И. И. Бибииков, гр. П. А. Толстой, А. И. Остерман и гр. Ф. М. Апраксин. О. Е. Кошелева главной движущей силой «оппозиции» называет генерал-полицеймейстера А. М. Девиера, который предположительно первый обратился к П. И. Ягужинскому и И. И. Бибиикову с просьбой оказать

противодействие инициативе князя [Кошелева, 2004а, с. 138–140]. Стоит отметить, что писем генерал-полицеймейстера к названным личностям обнаружить не удалось, более того, имя А. М. Девиера вовсе не встречается среди материалов корреспонденции, отправляемой друг другу остальными участниками событий. В фонде Правительствующего Сената Российского государственного архива древних актов (г. Москва), где сохранились документы по данному делу, обнаружены лишь материалы переписки Главной полицеймейстерской канцелярии с А. Д. Меншиковым и официальные запросы Сената. Поэтому факт вмешательства генерал-полицеймейстера в процесс выработки решения по постоянным дворам может быть установлен только условно. Как представляется, сведения о реальной ситуации с использованием постоянных дворов в Сенате могли узнать только от человека, который был глубоко вовлечен в систему управления Санкт-Петербургом. А. М. Девиер подходил на роль информанта как никто другой, поскольку подчиненное ему полицеймейстерское ведомство контролировало практически все стороны городской жизни: следило за выполнением строительных регламентаций, распределяло городские территории, руководило строительством важных общественных объектов, контролировало торговую и питейную деятельность, поддерживало безопасность в Санкт-Петербурге, участвовало в организации ассамблей и прочих церемоний [Накишова, 2022б].

19 июля 1723 г. генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский и обер-прокурор Сената И. И. Бибилов отправили два полностью идентичных письма: одно — к П. А. Толстому, находившемуся вместе с Петром I в Ревеле, другое — к Ф. М. Апраксину. Они, не зная содержания письма А. Д. Меншикова от 15 июля, просили убедить государя изменить указ о частном найме и приводили следующие аргументы: «обретающиеся у дел шляхетство многие служат без жалованья, а которым жалованье хотя и есть и то малое, которого уже многое время не получают, а ежели оные ис того постою выключены не будут, то может произойти не без великой обиды и напрасных убытков. К тому ж ежели всем как не имеющим дворов, кои без съезду в Санкт-Питербурхе живут, и на время приезжающим, так и выше объявленным харчевым промышленником и ремесленным людям на тех дворах стоять, то не токмо утешение будут иметь, но и вместитца всем невозможно» [РГАДА, ф. 248, оп. 18, кн. 1206, л. 242 об.–243]. Кроме того, упоминалось о невыгодности отмены частного найма для самих городских жителей, поскольку они «строили дворы и лишние покои с немалыми себе убытками для отдачи в наймы», уже заплатили за лишние помещения сборы и в случае публикации указа не смогли бы окупить подобных капиталовложений [Там же, л. 243]. Такие аргументы были более чем справедливы.

Среди сохранившихся материалов не удалось обнаружить никаких сведений о том, каким образом отреагировал на письмо Ф. М. Апраксин. Учитывая его давнее приятельство с А. Д. Меншиковым, нет оснований полагать, что генерал-адмирал развернул активную кампанию по противодействию княжеским начинаниям. В противоположность прослеживается роль П. А. Толстого,

чьи отношения с Александром Даниловичем были крайне неоднозначны и упирались в непримиримые противоречия по другим государственным и частным делам [Лазарев, с. 134–135, 152]. Получив письмо от П. И. Ягужинского, Петр Андреевич подыскал «благополучный час» и передал Петру I аргументы, оспаривавшие инициативу А. Д. Меншикова. Государь принял его сторону. 23 июля 1723 г. с корабля «Москва» на Ревельском рейде П. А. Толстой вместе с А. И. Остерманом уведомили своих корреспондентов: «А что до протчего содержания того указа и до постоянных дворов надлежит, и в том повелел Его величество произведением удержатца до возвращения своего к вам» [РГАДА, ф. 248, оп. 18, кн. 1206, л. 244–245]. Двумя днями позже, 26 июля, письмо было вручено П. И. Ягужинскому, а в Главную полицеймейстерскую канцелярию направлено постановление Сената — опубликование и объявление царского указа отложить. К решению данного вопроса Петр I не вернулся ни по возвращении в Санкт-Петербург, ни когда-либо еще вплоть до своей кончины, хотя в сентябре 1723 г. с просьбами ограничить частный найм в городе обратились уже сами откупщики, терпевшие непосильные для них убытки [Документы Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии..., № 20].

Таким образом, анализ сюжета, касающегося создания комплексов постоянных дворов в Санкт-Петербурге в 1722–1723 гг., наглядно показывает, с какими трудностями сталкивались городские власти при осуществлении мероприятий по строительству и благоустройству общественных пространств в новой имперской столице. Город-парадиз, который Петр I стремился создать на берегах Невы, только в идеальных представлениях государя был «парадизом». На самом деле устройство практически с нуля нового регулярного города ставило перед государственными структурами почти невыполнимые задачи, требовавшие от них умения решать многофункциональные проблемы и привлекать всевозможные материальные и нематериальные ресурсы.

Кроме того, перипетии, которые развернулись вокруг выработки царского указа о запрете частного найма, последовавшего после ввода в эксплуатацию первых комплексов постоянных дворов, позволяют судить о специфике механизмов функционирования социальных связей внутри городской системы управления. В частности, данный случай указывает на ограниченность влияния генерал-губернатора А. Д. Меншикова, чье политическое могущество до середины 1710-х гг. не поддавалось сравнению. Нельзя не заметить, что для Петра I в вопросе о постоянных дворах решающим стало не мнение князя, хорошо осведомленного в столичных делах и державшего под контролем строительство постоянных комплексов, а объединившихся против него, не имевших к петербургским проблемам прямого отношения П. И. Ягужинского, И. И. Бибикова, П. А. Толстого и А. И. Остермана. Надо полагать, что подобный успех оппозиционных инициативе князя течений был напрямую связан не только с теми трудностями, на которые обрекал петербургских жителей запретительный указ, но и с утратой А. Д. Меншиковым ресурса царского доверия по мере увеличения количества обвинений во взяточничестве, краже государственных средств,

несправедливых земельных захватах и затягивании судебно-следственных процессов, продолжавшихся на протяжении 1710–1720-х гг.

Соответственно, личностный фактор в системе управления Санкт-Петербургом и, надо полагать, в целом всем российским государством выступал одним из основополагающих элементов, обеспечивавших эффективное функционирование государственной машины. Несмотря на попытки Петра I в 1710–1720-х гг. регламентировать деятельность центральных и местных органов власти, уменьшить влияние единоличных руководителей и ввести коллегиальное правление, роль личности, поставленной на ту или иную государственную должность, оставалась определяющей. Личные качества наравне с другими ресурсами не только работали на удовлетворение частных интересов государственных деятелей, но и способствовали достижению всеобщего «государственного блага». Успех выработки, принятия и реализации на практике важных политических решений зависел от того, каким образом руководители органов власти выстраивали отношения друг с другом, достигали компромиссов, поддерживали и укрепляли ресурс царского доверия, благодаря которому они когда-то свои должности получили.

Источники

Документы Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии и других органов городской власти, касающиеся строительства постоянных дворов, 1722–1723 гг. (№ 1–20) // «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России / [под ред. Д. А. Редина]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 556–580.

Новый памятник законов Империи Российской. Ч. 9. Отд. I. Р.–С. СПб. : В тип. Правительствующаго Сената, 1828.

ПСЗРИ-1 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. IV–VII. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 198 (Меншиков Александр Данилович (1670–1729), князь, петербургский генерал-губернатор, президент Военной коллегии, генералиссимус). Оп. 1. Д. 131, 180, 191, 379, 518, 557; Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 18. Кн. 1206; Ф. 1451. Оп. 1. Д. 20.

Исследования

Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градусов в свете» — град святого Петра. Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб. : БЛИЦ, 1999.

Агеева О. Г. История домов У. Сенявина и А. Волкова на Васильевском острове (до их передачи Сухопутному Шляхетному корпусу) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 47 : Петровское время в лицах — 2009 : материалы науч. конф. : к 300-летию Полтавской победы (1709–2009) / ред. В. В. Мещеряков, И. В. Саверкина, Е. А. Андреева. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009. С. 5–17.

Андреева Е. А. Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах — 2003 : материалы науч. конф. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. С. 10–14.

Андреева Е. А. А. Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство // Петровское время в лицах — 2005 : материалы науч. конф. / редкол.: Г. В. Вилинбахов [и др.]. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2005. С. 15–31.

Анисимов Е. В. Юный град. Петербург времён Петра Великого. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003.

Анисимов Е. В., Базарова Т. А., Проскурякова М. Е. «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меншикова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 49–62.

Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое Описание Санкт-Петербурга: От начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб. : Тип. Воен. коллегии, 1779.

Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М. : ОГИ, 2004а.

Кошелева О. Е. Полиция есть душа гражданства // Отечественные записки. 2004б. № 2. С. 376–388.

Лазарев Я. А. Российская политика на Украине и русско-украинские неформальные связи после Полтавы (1709–1722) // Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А. Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 121–218.

Луттов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957.

Накишова М. Т. Град Святого Петра глазами польского посольства 1720 г.: образ столицы по материалам личной канцелярии князя А. Д. Меншикова // Славянский мир: общность и многообразие : тез. конф. молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 25–26 мая 2021 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М. : Институт славяноведения РАН, 2021. С. 39–45.

Накишова М. Т. Комендант Северной столицы Яков Хрисанфович Бахмеотов: исполнение служебного долга в петровское время // *Quaestio Rossica*. 2022a. Т. 10, № 1. С. 290–305. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.1.672>

Накишова М. Т. Полицмейстерская канцелярия в системе управления Санкт-Петербургом 1718–1727 гг. // Российская история. 2022б. № 2. С. 77–89.

Николаева М. В. Санкт-Петербург Петра I: история дворовладений — застройка и застройщики. М. : Прогресс-Традиция, 2013.

Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города. СПб. : Тип. Глазунова, 1884.

Семенова Л. Н. Правительство и рабочий люд Петербурга в первой половине XVIII в. // Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.). Труды ЛОИИ. Вып. 8 / ред. колл.: Н. Е. Носов (отв. ред.), Б. В. Ананьич, С. Н. Валк, Р. Ш. Ганелин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 127–167.

Сизиков М. И. Полицейская реформа Петра I // Правоведение. 1992. № 2. С. 88–96.

References

Ageeva, O. G. (1999). “*Velichaishii i slavneishii bolee vsekh gradov v svete*” — *grad sviatogo Petra. Peterburg v russkom obshchestvennom soznanii nachala XVIII v.* [“The Greatest and Most Glorious City in the World” — the City of St Peter. St Petersburg in the Russian Public Consciousness of the Early 18th Century]. St Petersburg: BLITS.

Ageeva, O. G. (2009). Istoriiia domov U. Seniavina i A. Volkova na Vasil'evskom ostrove (do ikh peredachi Sukhoputnomu Shliakhetnomu korpusu) [The History of the Houses of U. Senyavin and A. Volkov on Vasilyevsky Island (before their Transfer to the Landed Gentry Corps)]. In V. V. Meshcheryakov, I. V. Saverkina, & E. A. Andreeva (Eds.), *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 47: Petrovskoe vremia v litsakh – 2009: materialy nauchnoi konferentsii: k 300-letiiu Poltavskoi pobedy (1709–2009)* [Studies of the State Hermitage. Vol. 47: The History of the Reign of Peter the Great through Biographies of Personalities – 2009: Materials of the Scholarly Conference: For the 300th Anniversary of the Victory at Poltava (1709–2009)] (pp. 5–17). St Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha.

Andreeva, E. A. (2003). Deiatel'nost' pervogo peterburgskogo komendanta [Activities of the First St Petersburg Commandant]. In *Petrovskoe vremia v litsakh – 2003: materialy nauchnoi konferentsii* [The History of the Reign of Peter the Great through Biographies of Personalities – 2003: Materials of the Scholarly Conference] (pp. 10–14). St Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha.

Andreeva, E. A. (2005). A. D. Menshikov i obrazovanie Ingermanlandskoi gubernii: territoriiia i administrativnoe ustroistvo [A. D. Menshikov and the Formation of Ingermanland Province: Territory and Administrative Structure]. In G. V. Vilinbakhov [et al.] (Eds.), *Petrovskoe vremia v litsakh – 2005: materialy nauchnoi konferentsii* [The History of the Reign of Peter the Great through Biographies of Personalities – 2005: Materials of the Scholarly Conference] (pp. 15–31). St Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha.

Anisimov, E. V. (2003). *Iunyi grad. Peterburg vremen Petra Velikogo* [Young City. Petersburg during the Reign of Peter the Great]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Anisimov, E. V., Bazarova, T. A., & Proskuryakova, M. E. (2022). “Nash patron i zastupnik”: iazyk korrespondentov A. D. Menshikova [“Our Patron and Defender”: The Language of Correspondents of A. D. Menshikov]. *Vestnik NGU. Serii: Istoriiia, filologiiia*, 21, 1: History, 49–62.

Bogdanov, A. I. (1779). *Istoricheskoe, geograficheskoe i topograficheskoe opisanie Sanktpeterburga: Ot nachala zavedeniia ego, s 1703 po 1751 god* [Historical, Geographical and Topographic Description of St Petersburg: From the Beginning of its Establishment, from 1703 to 1751]. St Petersburg: Tipografiia voennoi kollegii.

Kosheleva, O. E. (2004a). *Liudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of St Petersburg Island during the Reign of Peter the Great]. Moscow: OGI.

Kosheleva, O. E. (2004b). Politsiia est' dusha grazhdanstva [The Police are the Soul of Citizenship]. *Otechestvennye zapiski*, 2, 376–388.

Lazarev, Ya. A. (2022). Rossiiskaia politika na Ukraine i russko-ukrainskie neformal'nye sviazi posle Poltavy (1709–1722) [Russian Policy in Ukraine and Russian-Ukrainian Informal Relations after Poltava (1709–1722)]. In M. A. Kiselev, K. A. Kochegarov, & Ya. A. Lazarev (Eds.), *Patrony, slugi i druz'ia. Russko-ukrainskie neformal'nye sviazi i upravlenie Getmanshchinoi v 1700–1760-kh gg. Issledovanie i istochniki* [Patrons, Servants and Friends. Russian-Ukrainian Informal Relations and the Administration of the Hetmanate in the 1700–1760s. Research and Sources] (pp. 121–218). Ekaterinburg: Ural University Press.

Luppov, S. P. (1957). *Istoriiia stroitel'stva Peterburga v pervoi chetverti XVIII veka* [The History of the Construction of St Petersburg in the First Quarter of the 18th Century]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Nakishova, M. T. (2021). Grad Sviatogo Petra glazami pol'skogo posol'stva 1720 g.: obraz stolitsy po materialam lichnoi kantseliarii kniazia A. D. Menshikova [The City of St Peter through the Eyes of the Polish Embassy in 1720: The Image of the Capital Based on the Materials of the Personal Office of Prince A. D. Menshikov]. In E. S. Uzeneva, & O. V. Khavanova (Eds.),

Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie: tezisy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury. 25–26 maia 2021 g. [Slavic World: Commonality and Diversity. Abstracts of the Conference of Young Scholars within the Framework of the Days of Slavic Literature and Culture. May 25–26, 2021] (pp. 39–45). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Nakishova, M. T. (2022a). Komendant Severnoi stolitsy Iakov Khrisanfovich Bakhmeotov: ispolnenie sluzhebного dolga v petrovskoe vremia [Commandant of the Northern Capital Yakov Khrisanfovich Bakhmeotov: The Performance of the Official Duty during the Reign of Peter the Great]. *Quaestio Rossica*, 10(1), 290–305. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.1.672>

Nakishova, M. T. (2022b). Politsmeisterskaia kantseliariia v sisteme upravleniia Sankt-Peterburgom 1718–1727 gg. [The Police Office in the Management System of St Petersburg 1718–1727]. *Rossiiskaia istoriia*, 2, 77–89.

Nikolaeva, M. V. (2013). *Sankt-Peterburg Petra I: istoriia dvorovladeniia — zastroyka i zastroyshchiki* [St Petersburg of Peter I: The History of Courtyards — Buildings and Developers]. Moscow: Progress-Traditsiia.

Petrov, P. N. (1884). *Istoriia Sankt-Peterburga s osnovaniia goroda* [History of St Petersburg from the Foundation of the City]. St Petersburg: Tipografiia Glazunova.

Semenova, L. N. (1967). Pravitel'stvo i rabochii liud Peterburga v pervoi polovine XVIII v. [The Government and the Working People of St Petersburg in the First Half of the 18th Century]. In N. E. Nosov (Editor-in-chief), B. V. Ananyich, S. N. Valk, & R. Sh. Ganelin (Eds.), *Vnutrenniaia politika tsarizma (seredina XVI — nachalo XX v.). Trudy LOII* [Domestic Policy of Tsarism (mid-16th — Early 20th Centuries). Proceedings of the LOII] (pp. 127–167). Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie.

Sizikov, M. I. (1992). Politseiskaia reforma Petra I [Police Reform of Peter I]. *Pravovedenie*, 2, 88–96.

Накишова Марина Тазабаявна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
младший научный сотрудник
Лаборатории эдиционной археографии
Уральский федеральный университет
620002, Екатеринбург, пр. Мира, 19
E-mail: m-nakishova@mail.ru

Nakishova, Marina Tazabaevna

PhD (History), Associate Professor
Department of History of Russia
Junior Research Fellow
Laboratory of Primary Sources Research
Ural Federal University
19, Mira St., 620002 Ekaterinburg, Russia
Email: m-nakishova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2115-1663>
Scopus AuthorID: 57221801806